

**Данное издание оцифровано
в Воронежской областной
универсальной научной библиотеке
им. И.С. Никитина**

394018, г. Воронеж, пл. Ленина, 2 / ул. Орджоникидзе, 36

Понедельник– четверг 9.00-20.00

Суббота, воскресенье 12.00-20.00

Пятница -выходной

<http://vrnlib.ru>
<http://vk.com/vounb>
e-mail: vounb@mail.ru
+7 (473) 255-05-91

П Р И Б А В Л Е Н І Я

КЪ ВОРОНЕЖСКИМЪ

ЕПАРХІАЛЬНЫМЪ ВЪДОМОСТЯМЪ.

№ 20.

15-го Октября

1874 года.

Содержаніе.— Слово въ день Рождества Пресвятыя Богородицы. — О неразрывной связи истиннй безсмертія съ понятіемъ о религіи. — Оригенъ противъ Цельса. — Объявленіе. — Отъ Острогожскаго Городскаго Общественнаго Банка.

С Л О В О

въ день Рождества Пресвятыя Богородицы.

*Величаемъ тя Пресвятая дѣво, и
чтемъ святыхъ твоихъ родителей, и
всеславное славимъ Рождество твоє.*

Не напрасно братіе, святая церковь, ублажая Матеръ Божию, въ день честнаго ея Рождества, чтетъ вмѣстѣ и ея родителей; ибо ихъ душевныя свойства и образъ ихъ жизни и дѣятельности подготовили ту высоту ея душевнаго состоянія, по которой она, при содѣйствіи благодати Божіей, содѣлалось чистымъ храмомъ Духа святаго, удостоившись быть матерію Господа, Спасителя міра.

Часто и въ нашихъ дѣтяхъ, братіе, мы замѣчаемъ свойства родителей, ихъ привычки и образъ дѣйствій, хотя дѣти, лишившись родителей въ младенчествѣ, ихъ никогда въ теченіе жизни своей не видали, а потому не могли брать съ нихъ примѣра ихъ

жизни и дѣятельности; изъ чего слѣдуетъ то, что жизнь родимъ телей предварительная рожденія ихъ дѣтей вліяетъ на жизнь дѣятельность дѣтей, и часто свидѣтельствуетъ о томъ, каковы были ихъ родители.

Для собственнаго назиданія, по руководству церкви, обратимъ, братіе, вниманіе на жизнь родителей Божіей Матери и, чрезъ сравненіе съ жизнію ихъ собственной нашей жизни, уяснимъ себѣ: не виноваты ли родители въ томъ, что въ настоящее время у насъ мало дѣтей, которыя не на радость обществу и самимъ родителямъ.

Родители Божіей Матери Іоакимъ и Анна были люди добродѣтельные.—Они вѣровали въ Господа и любили Его всею сердцемъ своимъ, и всею душою своею, и всею мыслию своею, покорялись во всемъ Божественному промыслу, всегда призывали Господа въ молитвѣ домашней и каждый праздникъ приносили Господу жертвы въ храмъ, употребляя на то одну изъ трехъ частей своего имущества. Такое ихъ усердіе къ Господу привлекло на нихъ Божіе благословеніе въ ихъ жизни,—они жили достаточно, цѣломудренно и праведно. Есть ли, братіе, такія черты въ нашей жизни? Если мы живемъ достаточно, признаемъ ли, что достатки наши есть благословеніе къ намъ Божіе и благодаримъ ли Его за то усердно? Приносимъ ли Ему молитвы, моленіе и благодареніе каждодневно, хоть бы утромъ и вечеромъ? Ходимъ ли мы въ храмы Божіи и удѣляемъ ли хоть бы сотую долю на ихъ доходъ на украшеніе храма?.. Достатки даются не даромъ, намъ отвѣтять, все добывается трудомъ, а при трудѣ время ли отчислять на молитву утроемъ, когда нужно столько дѣлать распоряженій на цѣлый день, столько задать и исполнить работъ, что здѣсь и молитва не въ молитву. Вечеромъ, опять утомленіе отъ дневныхъ трудовъ, и тогда нѣтъ времени молиться, вознести умъ свой къ Создателю. Нѣтъ времени нѣкоторымъ при трудахъ и достаткѣ иногда побывать и въ храмъ Божіемъ; ибо для однихъ службы совершаются слишкомъ рано, для другихъ очень поздно, для иныхъ скоро, для другихъ медленно. Такъ дивно ли послѣ этого, что мы непривлекаемъ милости Божіей,—наши души остаются мертвыми, неоживленными благодатію Божіею? Между тѣмъ, какъ на другія занятія и даже развлечения у насъ времени достаесть,—мы и въ собраніяхъ увеселительныхъ, насъ можно встрѣтить и въ театрѣ и на гуляньѣ, вездѣ насъ можно встрѣтить, гдѣ разгуль и удовольствія мірскія, не смотря на наши недосуги. Естественно потому духъ нашъ витаесть около земли и земаго, а потому можетъ ли онъ быть источникомъ для думъ чистыхъ и святыхъ? Поэтому, кажется, нѣтъ причины жаловаться отцу на сына и матери на дочь, когда они не тверды въ вѣрѣ, неправственны, если души ихъ, произшедшія отъ нашей же души, получили и холодность къ вѣрѣ,

и невнимательность къ молитвѣ, и растлѣніе нравственное. Прибавьте къ тому еще худые примѣры другихъ людей въ словѣ и дѣлѣ при предрасположеніи души дитяти къ пороку, тогда вы поймете, что родители не безответны за дѣтей.

Тяжело, братіе, житье безъ достатка, коротко время для человѣка бѣднаго, хотѣлось бы ему жить богаче, а потому онъ прилагаетъ труды къ трудамъ, заботы къ заботамъ. Ему дѣйствительно какъ-будто нѣкогда помолиться, нѣкогда пойти въ храмъ Божій послушать Божія слова, нечего и принести Богу въ жертву. Но такъ ли это на самомъ дѣлѣ? Вѣдь животь и смерть, нищета и богатство отъ Господа суть. Каждый изъ насъ, по Апостолу, долженъ пребывать въ томъ званіи, въ которое онъ призванъ и обращаться къ Духу утѣшителю, раздающему дарованіе каждому противу силы его. Образъ бѣдности показалъ нашъ Спаситель, Который, во время земной жизни, не имѣлъ гдѣ главы поклонити. Вотъ братъ, человѣкъ бѣдный, для тебя великое утѣшеніе! Жизнь твоя, жизнь христіанская въ полномъ смыслѣ слова, а потому, при твоёмъ тѣсномъ кругѣ занятій и маломъ развлеченіи, обращай чаще ко Христу и смотри на жизнь его какъ на образецъ для твоей жизни. Не будь завистливъ; ибо хотящій богатиться впадаютъ въ сѣти неприятели, — въ обманъ, воровство, безчестную жизнь, жизнь невоздержную. Берегись, чтобы не передать дурныхъ наклонностей твоихъ дѣтямъ. Кто будетъ причиною, когда дѣти твои будутъ склонны къ воровству, обману и пр., если ты таковъ въ жизни? На кого они будутъ роптать, когда душевныя ихъ склонности отнимутъ у нихъ въ послѣдствіи самое дорогое въ жизни, — доброе имя? На кого и ты будешь плакаться, если дѣти твои будутъ похожи на тебя, если въ ихъ жизни отразятся родительскія желанія сердца?

Родители Божіей матери Іоакимъ и Анна отъ молодости дожили до старости, не имѣя дѣтей. Скорбна вообще жизнь супружеская безъ дѣтей, такая жизнь какъ бы неизмѣтъ цѣли и назначенія. Но каково было родителямъ Божіей матери терпѣть безчадство, когда они происходили изъ рода Давидова, изъ котораго долженъ былъ произойти Спаситель, — когда время пришествія Спасителя приближалось и они день ото дня ожидали явленія Его въ мірѣ, а у нихъ небыло потомства! Прибавьте къ тому, что бездѣтные, по Еврейскому закону, считались лишенными милости Божіей, недостойными ея, а потому люди, пользуясь удобнымъ случаемъ, старались имъ о томъ напомнить, часто въ выраженіяхъ грубыхъ и оскорбительныхъ. Какъ — же вели себя праведники при этомъ? Они оставались такими — же добрыми, живя съ такою же надеждою на Господа. Прошла ихъ молодость, прошли и лѣта зрѣлья, наступила старость; а они все молились

и молились, — все твердо надеялись, что Господь отнимет от них безчастье, а на оскорбителей смотрели благодушно, переняся крестъ свой съ терпѣнiемъ и непереставая быть благодѣтелями для ближнихъ бѣдниковъ, отдавая имъ третью часть доходовъ своихъ. Такую надежду на Господа она передали и своей единородной дочери — Марiи. Такова ли, бр., наша надежда на Господа, такъ — же ли и у насъ она постоянна и тверда, какъ у праведныхъ Богоотцевъ? Не часто ли мы сами просимъ у Господа, и самъ — же сомнѣваемся, уподобляясь, по слову Апостола Иакова, волнению морскому, въ ры возметаему и развѣваему? Не думайте, говорить Апостоль таковымъ, чтобы мужъ двоудушный получилъ что отъ Бога. Не часто ли мы непостоянны: нынѣ просимъ одного, — на завтра другаго, нынѣ — полезнаго, а назавтра вреднаго, если не для сей жизни, то для вѣчнаго спасенiя, а самое спасенiе наше отлагаемъ день отъ дня; и если къ Господу обращаемся съ молитвою о спасенiи, то болѣе устами, нежели сердцемъ (Мф. 15, 8 и 9). Всюе чтутъ мя, говорить Спаситель таковымъ. Таковы мы вообще въ нашей надеждѣ; но случись горе и неприятности, случись нападенiе со стороны людей тогда мы теряемъ охоту молиться, дѣлаемся унылыми, доходимъ до отчаянiя, обвиняемъ другихъ въ томъ, въ чемъ сами по большей части виноваты, даже ропщемъ на Господа. Думаемъ ли мы, братиe, что такой тоскливый духъ, такая нетвердость въ убѣжденiяхъ, такая озлобленность не передаются нами дѣтямъ? Иначе откуда бы выродились люди злобные, отчаянные, незадумывающiеся иногда посягнуть при малѣйшей неприятности на честь, доброе имя ближняго и даже на жизнь свою? Откуда бы выродились люди безразличные въ вѣрованiяхъ, холодные къ исполненiю правилъ вѣры? Скажутъ: все это отъ навыка, отъ воспитанiя; но нѣтъ, не все отъ навыка и не все отъ воспитанiя и гримбра. Всмотритесь въ ваше дитя и вы увидите, что еще въ дѣтствѣ, во младенчествѣ, уже есть задатки въ немъ вашихъ стремленiй, вашего душевнаго состоянiя. Нѣтъ, вы безсознательны въ дѣйствiяхъ вашихъ дѣтей; иначе почему бы иногда отдалались, по ученiю слова Божiя, грѣхи отцевъ на чада и милость въ роды родовъ? И, если склонности и страсти тѣлесныя, какъ напримеръ плыство и др., являются въ дѣтяхъ послѣдствiемъ жизни родительскою, если извѣтныя тѣлесныя оублзи переходятъ отъ родителей къ дѣтямъ, если иногда и душевныя болѣзни достаются по наслѣдству отъ родителей; то ужели душевная склонность, душевное настроенiе не передается дѣтямъ отъ родителей?

Кого — же, послѣ того, мы будемъ винить и укорять, когда наши дѣти будутъ не терпѣливы, не любовны, не помирительны, самолюбивы, славолубивы, сластолюбивы паче, нежели боголюбивы,

мелитавъ, родителейъ противящіяся и пр., если это все есть въ насъ, родителяхъ ихъ? Въдѣ, укоряемъ—же мы тѣхъ родителей, отъ которыхъ переходятъ тѣлесныя болѣзни къ дѣтямъ; такъ точно не достойны ли дѣти ея отъ общества, а укоризны и добрыя родители въ томъ, что передали имъ свои склонности и порочныя привычки.

Иоакимъ и Анна во всю жизнь свою думали о имѣющемъ произойти отъ нихъ поколѣннѣ, дабы оно было угодно Богу, а потому обѣщали рожденное отъ нихъ дитя посвятить Господу. Самый обѣтъ, данный предъ Богомъ родителямъ Божіей матери, навелъ ихъ во всю жизнь на размышленіе о небѣ и небесномъ. Они постоянно думали и говорили, желали и молились, чтобы дитя ихъ было дитя Божіе. Такое ихъ желаніе исполнилось, молитва ихъ была услышана, — Марія дела обѣтъ пребывать раи Господа всегда Дѣвою. Такъ ли ведутъ себя родители у насъ, при ожиданіи дѣтей? Правда, у насъ часто отцы и матери, въ ожиданіи дѣтей, проводятъ безсонныя ночи, но проводятъ эти ночи въ заботахъ мірскихъ, а чаще въ удовольствіяхъ грѣховныхъ. Мысли родителей не обращаются къ имѣющему произойти отъ нихъ поколѣннѣ, они не задаются вопросами о будущемъ это христіанскомъ настроеніи, не молятся, чтобы дитя ихъ было дитяемъ Господа; они только иногда думаютъ о томъ, чтобы ихъ дѣтя были счастливы въ семь мѣхъ. Не къ Господу обращаютъ свою надежду такіе отцы и матери, а или прибѣгаютъ къ гадающимъ, или къ разнымъ примѣтамъ и признакамъ, или вовсе ничего ихъ не занимаетъ въ будущемъ ихъ поколѣннѣ. Удивительно ли послѣ того, что дитя, посвященное не Богу, а міру, выходитъ и дитя міра сего. Особенно, если и по рожденіи дитяти, отцы и матери не позаботятся посвятить первые годы его дѣтства Богу, — если не будутъ водить его въ храмъ Божій и научать христіанству, — не внушать ему любви къ Богу и ближнему; если отгадутъ его на воспитаніе другимъ людямъ, часто недостойнымъ быть воспитателями и неумѣющимъ себя вести по христіански. На кого тогда жаловаться, если дитя ихъ не выйдетъ на радость имъ и на пользу общественную? Кого винить въ томъ, что дитя міра ходитъ по вѣку міра сего, по князю власти воздушной (Еф. 2, 2.) *судя, иже нынѣ днѣствуетъ въ сынѣхъ противленія*; когда сами родители посвятили его до рожденія міру и воспитали въ немъ сына міра сего?

И такъ, братіе, если родители передаютъ дѣтямъ вмѣстѣ съ рожденіемъ свои склонности и душевную настроенность, если эта настроенность въ родителяхъ и дѣтяхъ идетъ въ разрѣзъ противу вѣры и надежды христіанской, если родители еще до рожденія посвящаютъ дитя міру, а по рожденіи не отводятъ отъ міра къ

Богу; то кто же виноватъ, если дѣти выходятъ родителямъ въ скорбь и обществу приносятъ вредъ? Отцы и матери! обратите на это вниманіе, — и блюдите како опасно ходите, не якоже не мудри, но якоже премудри, искупующе время, яко дніе лукави суть.

Св. *Ар. Аристовъ.*

О НЕРАЗРЫВНОЙ СВЯЗИ ИСТИНЫ БЕЗСМЕРТІЯ СЪ ПОНЯТІЕМЪ О РЕЛИГІИ.

Истина безсмертія есть одна изъ важнѣйшихъ для человѣка. Ничто не можетъ ему замѣнить ее. Человѣкъ безъ безсмертія есть существо несчастное, не имущее никакого упованія, никакой надежды въ будущемъ. При такой важности для насъ истины безсмертія, нѣтъ ничего естественнѣе намъ, какъ желать, чтобы она была въ тоже время и совершенно очевидна и неподвержена никакому сомнѣнію. И дѣйствительно, для вѣры, у которой нѣтъ ничего невозможнаго, безсмертіе ясно, какъ день. Воскрешеніе сына Сарептской вдовицы пророкомъ Іліею (3 цар. 17, 21.) воскрешеніе І. Христомъ сына вдовы Наинской (Лук. 7, 13. 14.) дочери Іаира (Мар. 5, 41. 42.) и Лазаря (Іоан. 11, 43. 44.), воскресеніе Господа нашего, воскресеніе Ап. Петромъ Тавиою (Дѣян. 9, 40.) и Ап. Павломъ отрока Евтиха (20, 9—12), — сіи опыты всемогущества и б. агости Божіей поставляютъ истинно вѣрующаго слову Божію христіанина выше всякаго сомнѣнія въ безсмертіи. Ибо, какъ бы совершились сіи опыты, если бы души усопшихъ не продолжали своего бытія по разлученія съ тѣломъ? Но истинною, не сумнящеюся вѣрою обладаютъ не многіе. Сей недостатокъ въ вѣрѣ заставляетъ насъ желать, чтобы въ области религіи было нѣчто такое, отъ чего мы никакъ не могли бы отказаться и что между тѣмъ необходимо вело бы насъ къ живому убѣжденію въ истинѣ безсмертія.

Что же есть въ области религіи такое, отъ чего мы никакъ не можемъ отказаться? Это — самая религія. Человѣкъ нигдѣ и никогда небылъ безъ религіи и не можетъ быть безъ ней. Она живетъ въ душѣ самаго грубаго дикаря; ее не можетъ истребить изъ своего сердца самый дерзкій вольнодумецъ. Невѣрующіи не принимаютъ чудныхъ событій, возвѣщаемыхъ словомъ Божіимъ и не могутъ не признать того, что есть религія: не вѣруя въ религію откровенную, онъ принимаетъ, такъ называемую, религію естественную. Итакъ, не соединена ли необходимо истина безсмертія съ самою религіею; не заключается ли безсмертіе въ самомъ понятіи религіи? Вопросъ, отъ правильнаго рѣшенія

котораго зависить наше спокойствіе, и, быть можетъ, болѣе, нежели одно спокойствіе—самый образъ жизни и поведеніе. Кто увѣренъ въ жизни будущей, тотъ будетъ и жить для ней, а кто нѣтъ, тотъ легко можетъ присоединиться къ раздѣляющимъ на жизнь такое воззрѣніе: да ямы и піемъ, утрѣ бо умремъ (1 Кор. 15, 32).

Для большей опредѣленности отвѣта, требуемой важностью самаго вопроса, уяснимъ сначала понятіе безсмертія: что такое безсмертіе, въ чемъ состоитъ оно? Безсмертіе въ собственномъ смыслѣ есть вѣчное бытіе безъ начала и безъ конца. Такое бытіе принадлежитъ только Богу. Почему и сказано о Богѣ: *Единъ имѣяй безсмертіе* (1 Тим. 6, 16). Человѣку, какъ творенію Божію, начинающему жить съ извѣстнаго времени, можетъ быть свойственно безсмертіе, понимаемое въ томъ только смыслѣ, что однажды начатое имъ бытіе уже не прекратится никогда, что человѣкъ однажды призванный къ жизни, уже никогда не уничтожится. Но въ смыслѣ неуничтожаемости можетъ быть вѣчнымъ, или безсмертнымъ все. Ибо ничто въ природѣ не уничтожается и по обѣтованію слава Божія не уничтожится, а только обновится. *Нова же небесе и новы земли по обѣтованію его чаемъ* (2 Пет. 3, 13). И однако нельзя сказать, напр., о камнѣ или животномъ, что они безсмертны. Значитъ, одна неуничтожаемость не составляетъ безсмертія. Безсмертіе принадлежитъ однимъ разумнымъ существамъ. Отличительное и существенное свойство разумныхъ существъ состоитъ въ томъ, что онѣ во всѣхъ различныхъ состояніяхъ сознають себя въ личномъ отношеніи одними и тѣми же. Животныя не имѣютъ такого сознанія, и потому не безсмертны. Одинъ человѣкъ на землѣ безсмертенъ, потому олъ и за гробомъ не перестанетъ сознавать себя тѣмъ же самымъ по личности, чѣмъ былъ въ этой жизни и признаетъ своими всѣ дѣла, яже съ тѣломъ содѣла, или блага, или зла (2 кор. 5, 10). Итакъ человѣческое безсмертіе есть вѣчная (со стороны будущаго) жизнь съ вѣчнымъ сознаніемъ своей личности одною и тою же. Вотъ понятіе, какое даетъ о безсмертіи умъ. Св. Писаніе, выясняя сіе понятіе, дѣлаетъ его въ тоже время и опредѣленнѣе. Тамъ, во 1-хъ, смертію называется грѣховная жизнь: *и васъ суущихъ прегрѣшенми мертвыхъ и грѣхи вашими... И суущихъ нлз мертвыхъ прегрѣшенми сооживи Христомъ* (Еф. 2. 1. 5.) *Не любяй бо брата, пребываетъ въ смерти* (1 Иоан. 3, 14.) *Иня имаша яко живы, а мертвы еси... Не обрътохъ бо днѣ твоихъ скончаныхъ предъ Богомъ Твоимъ* (Ап. 3, 1—2). Смерть въ этомъ смыслѣ есть гнѣвъ Божій, осужденіе, удаленіе отъ Бога. Почему и за гробомъ состояніе грѣшниковъ называется или прямо смертію: *страшливымъ же и*

невырннма, и сквернома и убійцама... часть иже въ езеръ зорящема огнемъ и жупеломъ, еже есть смерть вторая (Ап. 21, 8); или равно значущимъ понятіемъ смерти—гнѣвомъ Божиимъ: а иже не вѣруетъ въ Сына, не узритъ живота (ζωή), но имѣвъ Божій пребываетъ на немъ (Іоан. 3, 36); гнѣвъ Божій состоитъ въ прямой противоположности съ животомъ; или осужденіемъ, также въ синонимическомъ значеніи его съ смертію: и изыдутъ сотвориши благаа, въ воскресеніе живота, а сотвориши злаа, въ воскресеніи суда. (Іоан. 5, 29). Итакъ, если противоположимъ смерти жизнь, безсмертіе будетъ жизнь святая, жизнь во Христвѣ, въ соединеніи съ Богомъ. Сіе сотвори, и живѣ будещи (Лув. 10, 28). Вѣруй въ Мя, имать животъ вѣчный (Іоан. 6, 47... 15, 5. 6). Въ св. Писаніи смертію называется во 2-хъ бѣдственное положеніе: или неразумѣете, яко слицы во Христа Іисуса крестихомся, въ смерть Его крестихомся (Рим. 6, 3), т. е., мы обязались нести крестъ (Мат. 16, 24.) распять ветхаго нашего челоуѣка (Рим. 6, 6). Аще бо, продолжаетъ Апостоль, сообразни быхомъ подобію смерти Его, то и воскресенія будемъ (—4, 5), т. е., какъ въ другомъ мѣствѣ учить: понеже съ Нимъ страдаемъ, да и съ Нимъ прославимся (Рим. 8, 17). Такое значеніе смерти еще яснѣе выражается во 2-мъ посланіи Кор: во всемъ скорбѣще... всегда мертвость Господа Іисуса въ тѣлѣ носѣще... присно бо живи, въ смерть предаемъ... тѣмъ же смерть убо въ насъ двѣствуетъ, а животъ въ васъ; т. е., мы терпимъ бѣдствія для вашего благополучія, вся бо васъ ради. Почему и за гробомъ бѣдственное положеніе называется также смертію: Сего ради во единъ день придуть язвы ей (Блудницъ—Вавилону), смерть и плачь и гладъ (Ап. 18, 3.; 21, 8), или: И идуть сіи въ муку вѣчную: праведницы же въ животъ вѣчный (Матѣ. 25, 46); вѣчное мученіе стоитъ въ прямой противоположности съ вѣчною жизнью. Противуположность эта вмѣствѣ показываетъ и то, что вѣчная жизнь есть блаженство. Ибо идти въ животъ вѣчный значить наследовать уготованное отъ сложенія міра царствіе (—34).

Итакъ соединивъ умственное понятіе о безсмертіи съ понятіями, которія даеть о немъ св. Писаніе, мы находимъ въ безсмертіи четыре составныя части: вѣчную жизнь или бытіе, сознательность, святость, блаженство; т. е., безсмертіе есть не имѣющая конца жизнь, соединенная съ вѣчнымъ сознаніемъ себя однимъ и тѣмъ же по личности, исполненная святости и блаженства. Существо, у котораго сознаніе ежеминутно избѣнялось бы, ежеминутно и умираю бы. ибо съ каждымъ мгновеніемъ оно (существо) становилось бы то тѣмъ, то другимъ, не тѣмъ, чѣмъ было въ прошлое мгновеніе. Жизнь такого существа постоянно

какъ бы ускользала отъ него самого и дѣлалась чѣмъ-то, ему непринадлежащимъ. Но и жизнь грѣховная, подъ гнѣвомъ Божиимъ, въ удаленіи отъ Бога, не есть истинная жизнь. Это жизнь извращенная, ложная. Тому, кто не имѣетъ жизни въ себѣ, можно жить только при источникѣ жизни, а сей источникъ жизни есть одинъ Богъ. Равно и бѣдственная жизнь (не ради Христа) не есть жизнь, особенно когда не облегчаетъ ее никакая надежда. *Почто бо во утробѣ не умрохъ* (Іов. 3, 11), говоритъ поверженный на гноищѣ Іовъ, не зная, что Богъ готовитъ уже для него счастье больше прежняго. *Добро бы было ему, аще не бы родился человекъ той*, говоритъ І. Христосъ, указывая на горькую участь, которая должна постигнуть предателя въ вѣчности (Матѣ. 26, 24).

Зная такимъ образомъ, что такое безсмертіе, мы тѣмъ съ большимъ томленіемъ духа желаемъ знать, соединено ли оно необходимо съ религіею, чѣмъ больше оно заключаетъ въ себѣ для насъ благъ.

Не станемъ отдалять отвѣта, и скажемъ напередъ, что онъ утвердительный. И недалековидный, но правильный взглядъ на религію можетъ усмотрѣть, что религія и безсмертіе не разлучны, и что послѣднее необходимо заключается въ первой.

Что двѣ послѣднія составныя части безсмертія — святость и блаженство соединены съ религіею, это, кажется, должно быть очень понятнымъ всякому. Непосредственная цѣль религіи въ томъ и состоитъ, чтобы сдѣлать насъ святыми. Отъ чего съ святостію жизни не всегда бываетъ соединено счастье, причину этого ясно высказываетъ намъ св. Писаніе: *проклята земля въ дѣлахъ твоихъ* (Быт. 3, 17).

До паденія оно представляетъ человека блаженнымъ и утверждаетъ, что союзъ святости съ блаженствомъ рано или поздно возстановится, хотя въ другомъ мірѣ, чего требуютъ и набуются сами философы (Кантъ). Послѣ мы яснѣе увидимъ необходимую связь съ религіею святости и блаженства. Итакъ, доколѣ человекъ будетъ жить для религіи, доколѣ несомнѣнно онъ будетъ усовершеняться въ святости и блаженствѣ. Что третья составная часть безсмертія — сознаніе себя по личности однимъ и тѣмъ же, необходимо соединена съ религіею, это также ясно. Безъ сознанія нѣтъ религіи, такъ какъ нѣтъ безъ него свободы, необходимой для религіи, какъ нѣтъ безъ него святости, возможной только при свободѣ, какъ нѣтъ безъ него блаженства, произтекающаго изъ святости и неразлучно соединеннаго съ представленіемъ прошедшаго и будущаго, необходимымъ для блаженства, возможнымъ только подлѣ условіемъ сознанія. Безъ сознанія себя по

личности одвимъ и тѣмъ же имѣть собственно, какъ мы видѣли, и жизни.

Отнять это сознание у человѣка значить сдѣлать его смертнымъ, подобно животному, которое потому и не бессмертно, что не имѣетъ сознанія, а сознанія не имѣетъ потому, что не создано для религіи. Итакъ, и здѣсь доколѣ человѣкъ будетъ жить для религіи, а доколѣ несомнѣнно будетъ сознавать себя по личности тѣмъ же.

Остается послѣдняя составная часть бессмертія, которая по меньшей ясности, требуетъ особеннаго нашего вниманія, и на которой поэтому мы должны преимущественно остановиться: вѣчно ли будетъ существовать человѣкъ, чтобы сознавать себя, усовершенствоваться въ святости и блаженствовать?

Чтобы утвердить за человѣкомъ и это преимущество, мы обратимъ вниманіе 1-хъ, на условіе или коренное начало религіи въ человѣкѣ, 2-хъ, на цѣли относительно религіи въ Богѣ; 3-хъ, на религію въ ней самой, въ ея сущности. Изъ разсмотрѣнія сихъ предметовъ мы узнаемъ, что религія необходимо упрочиваетъ за человѣкомъ и вѣчное бытіе.

1) Съ перваго взгляда, религія есть завѣтъ между Богомъ и человѣкомъ, какъ бы договоръ, въ которомъ съ одной стороны подъ извѣстными условіями обѣщается что-либо, а съ другой принимается обѣщаніе. *Азъ есмь Богъ твой: благоугождай предо мною и буди непороченъ. И положу завѣтъ мой между мною и между тобою: и умножу тя зло* (Быт. 17, 1, 2). *И поставлю клятву мою, еюже кляхся Аврааму, отцу твоему* (—26, 3); вотъ и клятва, существующая при договорахъ. Человѣкъ обыкновенно договаривается съ подобнымъ себѣ человѣкомъ, больше ни съ кѣмъ; съ животными онъ не договаривается и не можетъ договориться. Такъ и Богъ могъ заключить завѣтъ только съ подобнымъ себѣ: существо, не имѣющее ничего общаго съ Богомъ, не могло бы имѣть къ Богу и тѣхъ отношеній, которыми выражается религія; не могло ни познавать Бога, ибо подобное познается только подобнымъ, ни благоугождать Ему, ибо нужно знать того, кому нужно благоугождать. Итакъ для вступленія въ завѣтъ съ Богомъ, человѣку нужно было самому быть Богоподобнымъ, и человѣкъ созданъ таковымъ. *Азъ рѣхъ: бози есте* (ис. 81, 6); родъ Божій есмь (Дѣян. 17, 29). То, что поставило человека какъ бы на ряду съ Богомъ, былъ образъ Божій. *И сотвори Богъ человека, по образу Божию сотвори его* (Быт. 1, 27). Такъ образъ Божій былъ первымъ условіемъ религіи въ человѣкѣ. Только сдѣлавшись образомъ Божиимъ, человѣкъ становится способнымъ возноситься къ своему первообразу. Но, сдѣлавшись образомъ Божиимъ, человѣкъ въ тоже время становится бессмерт

нимъ уже потому самому, что онъ есть образъ Божій. Образъ Божій долженъ быть также безсмертенъ, какъ безсмертенъ первообразъ—Богъ. Образъ солнца всегда свѣтился бы въ морской глубинѣ, если бы сама земля не отвращалась отъ солнца ночью, или днемъ не закрывала себя отъ него парами, или своимъ вѣтромъ не возмущала моря. Такъ и образъ Божій въ человѣкѣ долженствовалъ быть также вѣченъ, какъ вѣченъ самъ Богъ. Намъ нѣтъ нужды изслѣдывать, въ чемъ именно состоялъ образъ Божій въ человѣкѣ. Его составляло все то, что человѣкъ получилъ отъ Бога, кромѣ самой персти, изъ которой образовано его тѣло. Если онъ состоялъ въ высокихъ духовныхъ силахъ первобытнаго человѣка, то, конечно, и въ непрестанномъ бытіи, какъ основаніи, на которомъ покоились эти силы. Что и великолѣпный храмъ, если онъ построенъ на зыбкомъ основаніи, съ котораго скоро рушится; чѣмъ дороже зданіе, тѣмъ прочнѣе дѣлаютъ его основаніе. Если онъ тѣснѣе, по Апостолу, состоялъ въ правдѣ и преподаваніи истины (Еф. 4, 24), то и въ семъ случаѣ человѣкъ не могъ не быть безсмертнымъ. Правда какъ сама безсмертна (Премуд. Сол. 1, 15), и пребываетъ во вѣки (2 кор. 9, 9), такъ дѣлаетъ безсмертнымъ и того, кого животворитъ она. Она сама въ себѣ, какъ и всѣ духовныя силы, которыми обладалъ человѣкъ въ своемъ первобытномъ состояніи, есть жизнь. Самъ св. бытописатель, кажется, указываетъ на это, когда описываетъ самое созданіе человѣка: *и одуну въ лице*, говоритъ онъ, *дыханіе жизни* (Быт. 2, 7). Въ божественномъ дыханіи заключались высокія, духовныя силы, которыя Богъ сообщилъ человѣку съ душею. И сіе дыханіе названо у св. бытописателя дыханіемъ жизни. Итакъ, въ чемъ бы ни состоялъ образъ Божій, человѣкъ заключившій его въ себѣ съ религіею, заключилъ вмѣстѣ съ нимъ въ свое существо безсмертную жизнь. Человѣку нужно было только беречь сей драгоценный образъ, хранить его, какъ зѣницу ока и собственными усиліями преобразовывать его отъ славы въ славу; ибо это было въ волѣ человѣка, для этого и данъ былъ ему образъ Божій. Чѣмъ далѣе человѣкъ жилъ съ такимъ образомъ, тѣмъ болѣе воображалъ бы въ себѣ Бога, а чрезъ это тѣмъ больше прочности пріобрѣтала бы жизнь его, и тѣмъ святѣе становилась бы она и блаженнѣе.

2) Итакъ человѣкъ созданъ по образу Божію, потому что созданъ для религіи. Но для чего эта религія? Какія могли быть цѣли у Творца при вступленіи Его въ религіозныя отношенія съ человѣкомъ? Мы и вообще не можемъ знать цѣлей божественныхъ дѣйствій, если самъ Богъ ихъ не открываетъ намъ. Кто уразумѣетъ Господень, или кто совѣтникъ Ему бысть? (Рим. 11, 34). Знаемъ только, что у Бога не можетъ быть цѣлей Его

недостойныхъ. И Незнаи цѣлей божественныхъ дѣйстви вообще, когда онѣ не открываются намъ самимъ Богомъ, мы можемъ не знать и цѣлей Его въ отношеніи религіи. Намъ повелѣно Творцемъ исполнять религиозныя заповѣди, и мы должны исполнять ихъ. Но крайней мѣрѣ трудно найти въ св. Писаніи опредѣленное, прямое указаніе на то, что побудило Творца создать человѣка именно такимъ, какимъ онъ представляется намъ съ перваго мгновенія своей жизни — религиознымъ. Знаемъ однако, что цѣли Божія и здѣсь могли быть только достойныя Его. Основываясь на этомъ, мы никакъ не можемъ допустить, чтобы цѣли у Бога въ разсужденіи призванія человѣка къ религіи были временныя. Люди въ этой жизни заключаютъ между собою условія на время потому, что какъ они сами въ сей жизни временны, такъ временны и тѣ выгоды, которыя они утверждаютъ за собою договорами. Но къ Богу цѣли чисто временныя вовсе не идутъ и не имѣютъ никакого отношенія. Какая бы въ самомъ дѣлѣ нужда заставила Бога вызвать на время изъ небытія человѣка? Что за услуга, которую человѣкъ долженъ былъ на время оказать Богу, и потомъ уничтожиться? Идея о Богѣ, какъ о вседѣльномъ, который ни отъ руки человѣческихъ угожденій не принимаетъ (Дѣян. 17, 25), должна удалить всякую мысль о какихъ-либо временныхъ цѣляхъ въ Богѣ въ разсужденіи религіи. Слѣдов. цѣли, которыя имѣлъ Богъ при созданіи человѣка существомъ религиознымъ, могли быть не другія, какъ вѣчныя, которыя оди свойственны Ему и достойны Его. Повторяемъ: цѣлей божественныхъ въ разсужденіи религіи опредѣленно мы можемъ и не знать. Намъ повелѣно Творцемъ стремиться къ Нему, и мы должны къ Нему стремиться. Быть можетъ, цѣль религіи была (и есть) слава Божія, какъ указываетъ Апостоль: *ище бо ясте, ище ли пиете, ище ли что ино творите, вся во славу Божию творите* (1 кор. 10, 31). Въ такомъ случаѣ человѣкъ долженъ жить до тѣхъ поръ, пока будетъ оставаться достославнымъ Богъ. А Богъ всегда достославимъ; слѣд., ни въ какое время нѣтъ нужды умирать человѣку, особенно, если онъ въ точности исполняетъ свое назначеніе. Быть можетъ, цѣль призванія человѣка къ религіи было (и есть) нравственное совершенство его, къ которому непосредственно ведетъ религія и соразмѣрное тому блаженство. *Будите убо вы совершенни, якоже и отецъ вашъ небесный совершенъ есть* (Мате. 5, 48). И въ семъ случаѣ человѣкъ не долженъ умирать. Богъ умертвилъ бы его или прежде достиженія цѣли, предназначенной ему, или послѣ. Первое невозможно потому, что иначе Богъ самъ себя противорѣчилъ бы, назначивъ цѣль человѣку, и потомъ безъ всякаго повода со стороны человѣка (т. е., если человѣкъ неуклонно и по силамъ ему даннымъ

идеть къ цѣли) отиѣнилъ ее. Второе—пресѣчь жизнь человѣка въ то время, или послѣ того, какъ онъ достигнулъ назначенной цѣли, не можетъ Богъ потому, что это значитъ дѣйствовать вовсе безъ цѣли. Если человѣкъ достигаетъ своей цѣли (а онъ достигаетъ ее на каждой ступени безконечнаго по себѣ нравственнаго совершенства, ибо каждая ступень есть цѣль по отношенію къ прежней), то здѣсь-то собственно ему и жить должно. Тотъ, кто достигъ цѣли и умеръ навсегда, не насладившись плодами своего подвига, тотъ все равно какъ бы не достигалъ цѣли и какъ бы не жилъ; онъ трудился для того, чтобы жить, жизнь была впереди, но ускользнула; онъ трудился, такъ сказать, на воздухъ, жилъ для нуля, т. е., не жилъ. Мало того: и тотъ какъ бы не жилъ, кто достигъ цѣли и умеръ навсегда, уже насладившись плодами своихъ трудовъ. Ибо, если цѣль всегда и во всемъ есть ибчто послѣднее, то цѣль всей его жизни, какъ бы она ни была блистательна, было то, чѣмъ она кончилась, ничтожество. Но жизнь для ничтожества не есть ли самое крайнее ничтожество? Кратковременное наслажденіе такую жизнь не можетъ нисколько рдуть ей цѣнности. Такимъ образомъ человѣкъ, если только ему рано или поздно должно умереть навсегда, есть самое жалкое существо. Съ ревностію исполняя религіозныя требованія, онъ походилъ бы на такого безразсуднаго земледѣльца, который, навѣрно зная, что умереть во время или вскорѣ послѣ жатвы, съ неимовѣрными трудами, Богъ вѣсть для кого, засеялъ обширныя поля. Въ дѣлахъ премудраго Бога не должно быть такихъ несообразностей. Тотъ, Кто есть животь въ себѣ, не можетъ призывать къ ничтожеству. Тотъ, чьи дѣйствія всегда имѣютъ цѣли, достойныя Божества, не можетъ дѣйствовать безъ цѣлей, или противъ своихъ цѣлей въ религіи. И какъ божественныя цѣли, чтобы быть достойными Бога, не другія могутъ быть, какъ вѣчныя, то и человѣкъ необходимо долженъ существовать вѣчно. Всякое другое существованіе человѣка недостойно Бога. Богу, возможно было совсѣмъ непризывать человѣка къ жизни для религіи; но если Онъ восхотѣлъ призвать его, то не иначе, какъ къ жизни вѣчной. Временная жизнь не есть жизнь и призывать къ ней Богу существо религіозное, значило бы призывать къ ничтожеству, значило уничтожать религію, унижать свой божественный образъ въ человѣкѣ, уничивать свое божество.

3) Доселѣ мы обращали вниманіе на начало религіи въ человѣкѣ—образъ Божій и гадали о тѣхъ высокихъ цѣляхъ, которыя, такъ сказать, намѣтила десница Божія въ недосягаемой глубинѣ вѣчности, призывая къ бытію человѣка. Но мы еще не видѣли религіи въ ней самой, непроникали во внутреннія отношенія, не

разбирали таинственныхъ нитей, которыя соединяють небо съ землею, вѣчное съ временнымъ, Бога съ человѣкомъ. Чтоже такое религія въ ней самой? Въ религіи, какъ мы сказали, дѣйствуютъ два существа, Богъ и человѣкъ. Богъ есть совершенная истина, которая и открываетъ только истину, совершенная святость или добро, которое и желаетъ совершать одно добро, совершенное блаженство, которое общаетъ и творитъ одно блаженство. Человѣкъ по началу ничто, по благостию Божіею выводится изъ ничтожества, получаетъ способность безконечными путями стремиться къ истинѣ, добру и блаженству и чувствуетъ въ себѣ это тройное стремленіе. Нынѣ же, говоритъ Апостоль, пребываютъ вѣра, надежда, любви, три сія (1 кор. 13, 13). Вѣра до паденія была познаваніемъ, которое заимствуя свѣтъ отъ Отца свѣтовъ, должно было восходить на степень яснаго видѣнія. *Видимъ убо нынѣ яко зеркаломъ въ гаданіи, тогда же лицемъ къ лицу* (—13, 12), говоритъ Апостоль, указывая на состояніе совершеннаго воссоединенія нашего съ Богомъ. Мѣсто оставшейся въ утѣшеніе человѣку надежды на улучшеніе своего состоянія, до паденія, заступало дѣйствительное блаженство, которое отъ тѣснѣйшаго соединенія съ Богомъ должно было возрастать въ безконечность. *Мы же вси откровеннымъ лицемъ славѣ Господню взирающе, въ той же образъ преобразуемъ отъ славы въ славу якоже отъ Господня Духа*, говоритъ тотъ же Апостоль, уже начинавшій предвкушать радости отъ воссоединенія съ Богомъ (2 кор. 3, 18). Любовь, которая никогда же отпадаетъ, должна была переходить въ святость, подобную той, которою обладаетъ самъ Богъ. Итакъ, вотъ существа, которыя заключаютъ между собою религіозный союзъ: Богъ и человѣкъ. Религія, такимъ образомъ, есть союзъ Бога съ человѣкомъ, въ которомъ дѣйствуютъ съ одной стороны, сила благодати безпредѣльной, стремящейся излить свои безконечныя совершенства въ разумную тварь, съ другой—непрестанное стремленіе твари воспринимать въ себя полноту изливаемыхъ въ ней совершенствъ: познавать безконечную истину, преображаться въ образъ безконечнаго добра и наслаждаться возрастающимъ по мѣрѣ того блаженствомъ. Черезъ такое понятіе о религіи уже напередъ становится яснымъ, что человѣкъ не можетъ не быть бессмертнымъ. Человѣкъ бессмертенъ по сему понятію о религіи а) потому, что воспринимаемое имъ въ религіи есть жизнь божественная, а жизнь божественная не умираетъ. Постоянный приливъ этой жизни въ существо человѣка дѣлается для него источникомъ воды, текущей въ животъ вѣчный (Іоан. 4, 14). И чѣмъ больше человѣкъ пьетъ отъ сего источника, чѣмъ больше воспріемлетъ въ себя божественной жизни, тѣмъ выше воспаряетъ надъ смертію и ничтожествомъ.

Человѣкъ безсмертенъ по сему понятію о религіи б) потому, что сію божественную жизнь съ одной стороны изливаетъ безконечная благодать, съ другой воспринимаетъ безконечное стремленіе, неутолимая жажда твари. Безконечная любовь Божія какъ сама вѣчна, такъ и никогда неперестаетъ изливать полноту совершенствъ божественныхъ на тварь. Съ своей стороны и тварь, созданная съ безконечнымъ стремленіемъ къ истинѣ, святости и блаженству, никогда неперестанетъ воспринимать того, что удовлетворяетъ сему троюкому ея стремленію. Человѣкъ безсмертенъ по сему понятію в) потому, что самый предметъ его стремленія и воспріятія безконеченъ: чтобы познать Бога, достигнуть нравственнаго совершенства и соразмѣрнаго тому блаженства, для этого недостаточно не только времени, но и самой вѣчности. Какъ человѣкъ никогда не можетъ воспринять въ свою ограниченную природу полноты божественныхъ совершенствъ, такъ и самъ Богъ не можетъ излить ихъ въ человѣка: ибо онѣ безконечны.

Такъ, все въ религіи увлекаетъ человѣка въ вѣчность: и начало религіи въ человѣкѣ и достоинство цѣлей въ разсужденіи религіи—въ Богѣ, и сама она въ себѣ самой. Такъ съ понятіемъ религіи необходимо соединено безсмертіе человѣка. Правда, въ паденіи мы потеряли сіе безсмертіе. вмѣсто жизни божественной вдохнувъ въ себя ядовитую жизнь искусителя, мы сдѣлались и смертными, и злыми, и несчастными. Но Богу благодареніе отъ вѣка насъ возлюбившему! І. Христось возстановилъ намъ религію снова, явивъ намъ Бога и подавъ намъ вся божественныя силы, яже къ животу и благочестію (2 Петр. 1, 3). Черезъ І. Христа мы снова имѣемъ право на безсмертіе, хотя не можемъ избѣгнуть нѣкоторой доли тлѣнію. Такъ, религія христіанская есть новое опытное доказательство, какъ того, что человѣкъ теперь безсмертенъ, такъ и того, что онъ былъ безсмертнымъ вначалѣ. Иначе, для чего на Голгоѣ въ ужасныхъ мученіяхъ умираетъ плотию Богочеловѣкъ? Эта смерть Богочеловѣка до тѣхъ поръ будетъ для насъ непонятною, пока не предположимъ, что сею высочайшею жертвою искуплена была самая величайшая потеря, блаженная вѣчность человѣка. Сходить на землю Божественному лицу и страдать на ней для того, чтобы существо, которое сегодня живетъ, а завтра исчезаетъ, доставить извѣстныя блага (напр. научить его), долженствующія исчезнуть съ исчезновеніемъ самаго существа, — это было бы величайшею несоразмѣрностію между средствами и цѣлями; это было бы болѣе, нежели привести все небо въ движеніе для напitanія нѣсколькихъ насѣкомыхъ, черезъ минуту умирающихъ подъ ногою путника. Вообще, что человѣкъ былъ безсмертенъ вначалѣ, и что ему снова возвращено потерянное блаженство, это такой догматъ,

безъ котораго нѣтъ христіанства и безъ котораго религія христіанская, самая полная и возможно ясная, дѣлается самою несовершенною и непонятною. Почему І. Христось, Владыка вселенной, имѣлъ, вмѣсто колыбели, ясли и вмѣсто царскаго дворца, дворъ овчій? Потому только, что царство Его нѣсть отъ міра сего (Іоан. 18, 36); это предполагаетъ безсмертіе. Почему ненадобно бояться враговъ и гонителей христіанства? Потому одному, что они могутъ убить только тѣло, а не душу (Мате. 10 28), это предполагаетъ безсмертіе. Почему христіане были бы несчастны, если бы, на счетъ своей совѣсти, приобрѣли вселенную? Потому только, что человѣку совершенно бесполезно, аще міръ весь приобретаешь, душу же свою отщетишь (Мате. 16, 28). Такъ, религія христіанская есть новое, опытное доказательство чело-вѣческаго безсмертія. І. Христось могъ страдать только для цѣлей вѣчныхъ, для существа безсмертнаго, но утратившаго блаженство безсмертія; могъ умереть только съ тою цѣлю, чтобы сему несчастному существу возвратить то, что имъ было поте-ряно.

Христіанинъ! Да не смущается твое сердце при видѣ гроба. Каждый вздохъ твой къ Богу, каждая слеза твоя по небѣ свидѣтельствуютъ, что ты безсмертенъ. Вѣрь, люби и надѣйся. *Иже убо Своего Сына не пощадъ, но за насъ осыгъ предалъ есть Его: како убо не и съ Нимъ вся намъ дарствуетъ?* (Рим. 8, 32). Св. Апостоль, который въ тѣлѣ, или кромѣ тѣла, восхищенъ былъ до третьяго неба и слышалъ неизреченны глаголы (2 кор. 12, 2—4), есть новый свидѣтель тебѣ, опытно дознавшій истину блаженной жизни на небѣ. Спѣши достойно готовиться туда, куда призываютъ тебя твоя созданная для неба природа, Богъ и религія.

Пр. Н. Волковъ.

Оригенъ противъ Цельса.

(Продолженіе).

На возраженіе: почему воплощеніе такъ поздно послѣдовало, — Оригенъ отвѣчаетъ ссылкой на нравственную необходимость и указаніемъ на то, какъ много предлѣстій мятежнеческій міръ противопоставилъ Богу. «Неужели Отецъ хочетъ, чтобы Богъ мгновенно истребилъ нечестіе и насадилъ добродѣтель, и чтобы люди исправлены были, *novis regum imaginibus conceptis*. Гдѣ тогда будетъ свободная воля наша? Богъ не забывалъ, какъ думаетъ Цельсъ, пещься и промышлять о чело-вѣческомъ родѣ и

до воплощенія. Хотя за грѣхи рода Адамова Онъ и подвергъ разбѣянію и мгновенному отверженію столь многіе народы, но Онъ не оставилъ ихъ совершенно: Онъ ввѣрилъ управление и попеченіе о народахъ ангеламъ, по числу которыхъ и границы установлены. Израилю, Избранному своему, Онъ посылалъ пророковъ, которые исправляли его и призывали къ лучшей жизни, и такимъ образомъ далеко предъ пришествіемъ Спасителя приготавливали Ему путь въ міръ (IV, 701—702).

Защищая результаты воплощенія: возрожденіе человѣческой природы и славное будущее воскресеніе мертвыхъ и показывая всю возвышенность и разумность христіанскаго ученія объ этихъ предметахъ, Оригенъ противопоставляетъ Цельсу, кромѣ мѣсть св. писаній, такъ ясно говорящихъ объ этомъ, положительные факты, которые его противники одинаково же, какъ и онъ, должны принять. Никто не оспариваетъ, что философія иногда производила перемѣну въ нравахъ своихъ послѣдователей. «Въ философскихъ школахъ и у насъ, говоритъ Оригенъ, можно и помнить такихъ, которые дотогу перемѣнились, что могутъ быть образцомъ превосходной жизни... И онъ указываетъ на Геркулеса, Улисса, Сократа, и Музонія. Не мы только, прибавляетъ послѣ этого Оригенъ, опровергая Цельса, но всѣ мудре философы» (III, 697). Такимъ образомъ несправедливо, что для человѣка невозможно исправленіе. Это заключеніе еще сильнѣе наталкивается духу или уму нашему, когда онъ возвышается къ созерцанію человѣческаго существа, когда онъ припоминаетъ, что зло въ нашей природѣ, сотворенной прежде невинною и чистою, несущественно принадлежитъ ей. Для самаго Логоса удобно возвратитъ насъ къ нашему первоначальному состоянію, даже тогда, когда мы допускаемъ себя обольщаться пагубными вліяніями. Трудность исправленія, по Оригену, зависитъ отъ упорства мятежной воли. Но таже самая воля, соединенная съ навыкомъ, много можетъ, по Оригену, сдѣлать въ томъ, что кажется труднымъ и даже почти невозможнымъ. Неужели она не можетъ побѣдить свою порочность, какая бы она ни была прежде и устроить свою жизнь добродѣтельно, если за хочетъ? И не видно ли, что болѣе обиднаго переносится на Того, Кто создалъ разумныя твари, чѣмъ на нихъ, если они созданы такими, что не могутъ достигать чего либо полезнаго, изъ за трудности, для преодоленія которой имъ недано силъ; «ничего не могутъ сдѣлать для своего счастья»¹⁾. Относительно

¹⁾ Выказываясь подобнымъ образомъ и имѣя въ виду образецъ Сократа, нравственное величіе котораго Оригенъ высоко цѣнилъ, христіанскій апологетъ близокъ былъ уменьшать цѣну зазлугъ Христа и дѣйствія благодати, безъ которыхъ воля человѣческая ничего не можетъ сдѣлать.

славнаго воскресенія тѣлъ Оригенъ замѣчаетъ, что тѣлесный организмъ долженъ быть сохраненъ и одушевленъ. Уже въ настоящей жизни страдальческое тѣло мучениковъ славно предъ Богомъ, тѣмъ болѣе въ будущей оно сдѣлается причастнымъ прославленія. Оригенъ проводитъ здѣсь прекрасное сравненіе Ап. Павла: Ты еже съеши, не оживетъ, аще не умреть... (1 Кор. 15, 34—45). У, 733—735. Такъ защищаетъ Оригенъ тѣ истины (то христіанское ученіе) которыми всегда соблазнялся и соблазняется невѣрующей и матеріалистическими и пантеистическими предразсудками предубѣжденный разумъ. Христіанскій апологетъ, собственно говоря, не входитъ въ глубь ученія христіанскаго и его таинственныхъ догматовъ; онъ побольшей части апіорно, отъ разума доказываетъ разумность и возвышенность оспариваемыхъ истинъ. И справедливость требуетъ замѣтить, что здѣсь собственно и есть его почва; здѣсь главнымъ образомъ онъ и силенъ. Какъ скоро онъ касается подробностей и частныхъ, пытается загнать по глубже таинственную сторону христіанскихъ догматовъ, объясняя мѣста св. Писанія;—тамъ часто у него встрѣчаются слабости и недостатки. Аллегоризмъ, мистицизмъ, а иногда и прямое уклоненіе отъ смысла православнаго пониманія отличаютъ и характеризуютъ его въ этомъ случаѣ. За свѣтлыми чертами строгаго мыслителя и возвышеннаго теолога виднѣется уже темный обликъ колеблющагося человѣка съ его заблуждающею мыслию. Возможность объясненія такой сбивчивости въ Оригенѣ нетрудна; она вытекаетъ изъ внутренняго раздвоенія въ немъ вѣрующаго и мыслителя. Какъ христіанинъ Оригенъ всею душою былъ привязанъ къ ученію Христа, онъ предпринималъ на себя немовѣрные труды для славы имени Христа, Ему служилъ всею жизнію, принималъ лишенія, страданія, и вся жизнь его по истинѣ была высокимъ подвигомъ для пользы религіи Христовой. Но рядомъ съ этой крѣпкой, по истинѣ адамантовой вѣрой его въ Искупителя рода человѣческаго и Его ученіе,—въ немъ жилъ и требовалъ своего законнаго удовлетворенія пытливый Его умъ, который искалъ оправдать собою неложность самой вѣры; такъ какъ вѣра, данная Богомъ, должна быть согласна съ разумомъ, законы дѣятельности котораго вложены тѣмъ же самымъ Богомъ (I, 636—637). Отсюда не избѣжно въ немъ стремленіе—поставить и обосновать на рациональныхъ началахъ вѣру въ Христа, при его также сильной склонности и уваженіи къ свободѣ мысли, которая такъ прельщала его въ плодахъ блестящаго греческаго образованія,—невольнo дѣлало въ немъ перевѣсъ интересовъ философскаго ума и заставляло его въ пытливости заходить за предѣлы, которые вѣра подаетъ отъ притязанія ограниченнаго ума человѣческаго. За этимъ выходомъ изъ должнаго вниманія

и послушанія вѣрѣ и начинается облакъ блуждающей мысли. Это была своего рода дань, какую онъ заплатилъ блестящему греческому образованію, которымъ онъ полно владѣлъ, — дань его привязанности и пристрастія къ языческой философій. Впрочемъ, какъ ни благосклоненъ былъ Оригенъ къ греческому образованію, однакожь онъ оказывается весьма правдивымъ, сдержаннымъ и въ высшей степени способнымъ отстоять христіанство даже тамъ, гдѣ другой на его мѣстѣ и при его благосклонности къ языческому образованію не нашелъ бы сказать того, что этотъ величайшій апологетъ высказалъ. Такъ защищая языкъ св. Писанія и Евангельскую простоту, онъ указываетъ на такія достоинства, которыя неотъемлемо принадлежать нашимъ св. книгамъ и всякому даже невѣрующему и помѣшанному на прекрасной формѣ язычнику очевиднымъ дѣлаютъ превосходство простой и безлискусственной формы божественнаго откровенія предъ искусно составленною рѣчью философовъ и языческихъ ученыхъ. «Немного грубая простота, говоритъ Оригенъ, за которую упрекаютъ языкъ Евангельскій, есть тайна его силы. Черезъ нее уничтожены гдѣ преграды, которыя положены были философіею между образованными умами и простою массою людей; гордый эсотеризмъ, который обрекъ большинство слушателей на невѣжество и религіозное рабство, былъ подорванъ. 1. Христосъ говоритъ не однимъ только посвященнымъ, людямъ одареннымъ утонченнымъ и остроумнымъ разумомъ» (VII, 41); Напротивъ ни одинъ не исключался изъ Его таинствъ. По своей чрезмѣрной любви къ людямъ, Онъ сообщилъ благоразумнѣйшимъ богословіе, способное возвысить отъ низшихъ стремленій къ высшимъ и свое ученіе умѣлъ принаровить къ необразованнымъ, невѣжественнѣйшимъ женщинамъ и самымъ рабамъ. Только это, доступное разумнѣю каждому, ученіе сдѣлало людей способными обновить свою жизнь (VII, 782). Стоитъ ли такимъ образомъ осмѣянна языкъ св. книгъ? Эти грубая безлискусственные слова замечательны необыкновенною силою, какъ будто бы магическая сила въ нихъ скрывалась. Они обуздывали невоздержныхъ и несправедливыхъ, воспламеняли мужество въ слабыхъ и поощряли ихъ презирать смерть ради религіи Христовой. Этого тайнаго обольщенія нельзя приписать краснорѣчію или діалектикѣ Платона. Въ грубыхъ книгахъ христіанскихъ лежала Божественная сила, которой не научались въ школахъ, но получали съ неба. Слово этихъ книгъ владѣло точно крыльями и перелетало отъ одного конца міра въ другой, какъ побѣдитель самаго грѣха, даже тамъ, гдѣ онъ повидимому на всегда укоренился чрезъ природу и навѣкъ (III, 696—697). Не ясно ли можно заключить о превосходствѣ ученія изъ его народнаго духа и изъ быстроты и силы его распространенія? Ибо чѣмъ больше оно

распространяетъ свѣтъ, тѣмъ оно полезнѣе становится для людей. Весьма много христіанство возвышается надъ философію, которая только думаетъ объ образованныхъ и пренебрегаетъ простыми и не образованными, и такимъ образомъ благо, назначенное для всѣхъ, ограничивается нѣсколькими; ибо бѣтъ монополіи на истину (VI, 748). Несмотря на всё свое искусство великая философія Платона такимъ образомъ должна уступить простой проповѣди Евангелія, о которой устами Апостоловъ можно сказать, что она научаетъ не препретьельными словами человѣческой мудрости, но доводами духа и силы (1. Кор. 2, 4).

(Продолженіе будетъ).

О Б Ъ Я В Л Е Н І Е.

Острогожскій Городской Общественный Банкъ объявляетъ, что съ 1-го числа Октября мѣсяца, сего 1874 года, онъ будетъ платить по вкладамъ: на безсрочное время, т. е., до востребованія, 6%, по срочнымъ: отъ 1-го года до 3-хъ лѣтъ 6½%, отъ 3-хъ до 12-ти лѣтъ 7%, а на вѣчное время 7½%. Взымать же будетъ за выдаваемые въ ссуду деньги: подъ учетъ векселей, подъ залогъ 5% билетовъ и вещей 9%, а подъ залогъ недвижимаго имущества 8%.

Директоръ *Селиверстовъ*.

Бухгалтеръ *Колесниковъ*.

Пожертвованія въ Вор. Епарх. жен. Училище.

Богуч. у., сл. Старой Мѣловой, отъ Свящ. Евг. Лисицына сиротамъ — 1 р. 40 к. — Богуч. у., сл. Новой Мѣловатки, отъ Свящ. Василія Авсенева дано для сиротъ на поминаеніе за упокой Анны — 15 р. Отъ Благоч. Корот. у., с. Голдаевки, дано на булки самымъ неимущимъ сиротамъ 1 р. 5 к.

Редакторы: } Прот. **Ө. Никоновъ**
 } Свящ. **І. Адамовъ**.

Печатать дозволяется. Цензоры: Прот. *Н. Волковъ*, и свящ. *П. Палицынъ*.
Октября 14-го дня 1874 года.

Воронежъ. Въ типографіи *Н. Д. Гольдштейнъ*.